

А.И. Стронин

История общественности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Стронин**
История общественности / А.И. Стронин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
775 с.

ISBN 978-5-518-02224-9

ISBN 978-5-518-02224-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Общественная наука, еще больше чѣмъ естественная, дѣйствительно способна внушать тѣ же сомнѣнія, если не по вѣку, въ какомъ она появляется, то по тѣмъ предметамъ, которыхъ касается; такъ какъ ей приходится объяснять естественными причинами цивилизацію, а въ томъ числѣ и самую, слѣдовательно, исторію религій. При видѣ же этихъ объясненій, и чѣмъ удачнѣе они, тѣмъ больше, всегда возможно предположеніе, да не устраняютъ ли причины естественныя причинъ сверхъестественныхъ—предположеніе почти дѣтское, слишкомъ мало философское, но тѣмъ-то и больше способное къ популярности. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ никакая наука не только не исключаетъ, но и не въ состояніи исключать вѣру, какъ ни одна изъ нихъ не могла упразднить даже философію. Наука потому и есть наука, что она добровольно и сама по себѣ перестаетъ, наконецъ, вступаться какъ въ сверхъестественное (предметъ теологій), такъ и въ безусловное (предметъ философіи), и ограничивается однимъ лишь естественнымъ и однимъ условнымъ. И сколько бы при этомъ ни исчерпывала она всю свою область познаваемого, а непознаваемое все-таки остается и будетъ оставаться навсегда. Спрашивается, какое же возможно тутъ столкновеніе между тѣмъ и другимъ, когда одно другого не только не опровергаетъ, но даже одно другимъ предполагается. Въ самомъ дѣлѣ, если въ исторіи найдется та же правильность и та же разумность, какія открыты въ природѣ; то не будетъ ли это новымъ и вѣщнымъ предубѣжденіемъ въ пользу самой причины всего: и природы, и исторіи.

Но (скажутъ, быть можетъ, другіе) тогда излишне всякое вмѣшательство этой причины въ естественное теченіе событий: излишне, напримѣръ, откровеніе въ христіанской исторіи. Совершенно наоборотъ. Коль скоро вся исторія есть не что иное, какъ непрерывное вмѣшательство, какимъ же образомъ утверждать перерывъ въ немъ, для какой бы то ни было исторіи. Коль скоро вся исторія есть нечто иное, какъ постепенное откровеніе, какъ же отрицать степени этого откровенія? А такими степенями и суть: въ началѣ—всѣ естественныя религіи, въ концѣ—откровенная.

Еще дальше, если изъ трехъ христіанскихъ церквей подвиж-

нѣе или прогрессивнѣе всѣхъ есть, очевидно, лютеранская, католическая—меньше, а всѣхъ менѣе—православная, то не сообщает ли это какого-либо преимущества первымъ двумъ надъ третьею? Но обычное отождествленіе прогрессивности съ совершенствованіемъ даетъ только чисто-словесное основаніе такому заключенію. Когда же вспомнимъ, что дѣло идетъ о храненіи послѣдней, окончательной религіозной истины; то заслугою тутъ становится, напротивъ, именно неподвижность, а никакъ не движеніе.

Наконецъ, въ своемъ изложеніи исторіи гражданственности, авторъ принужденъ былъ вдатся въ нѣкоторыя, быть можетъ, циническія подробности древней, политеистической нравственности. Но да не поставитъ ему этого въ упоръ читатель, такъ какъ безъ такихъ подробностей пришлось бы скрасть и самую заслугу христіанской нравственности, которая какъ рукой сняла всѣ такіа извращенія естества. А съ другой стороны, наоборотъ, если новая нравственность затребовала, быть можетъ, и больше отъ человѣческой природы, чѣмъ эта послѣдняя дала въ состояніи (какъ напримѣръ въ идеалахъ аскетизма); то иначе и быть не могло, ибо такова бываетъ всякая реакція противъ всякой предъидущей крайности. Во всякомъ случаѣ, высота идеала, хотя бы то и мало достижимаго, все-таки остается свидѣтельствомъ въ пользу того, кто вноситъ такой идеалъ въ міръ.

Вотъ причины, по которымъ общественная наука такъ же мало расходится съ вѣрою и съ нравственностью, какъ и естественная. Впрочемъ, самый текстъ скажетъ объ этомъ еще больше, хотя и безъ словъ, однимъ сопоставленіемъ фактовъ.

Остается замѣтить, что, для облегченія труда своего, авторъ долженъ былъ устранить изъ изслѣдованія, во-первыхъ, всю экономическую исторію, ограничиваясь одною политическою, а во-вторыхъ, исторію политическаго регресса, довольствуясь однѣми гипотезамъ прогресса.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Подъ именемъ цивилизаціи понимается здѣсь религія, философія и наука, т. е., собственно говоря, лишь продукты цивилизаціи. Что же касается самого органа ея, т. е. интеллигенціи, а также функцій его, каковы: новаторство, пропаганда, агитація (см. Политика какъ наука); то исторія ихъ, ради ващяго сокращенія задачи труда, здѣсь опускается.

РЕЛИГІЯ.

Фетишизмъ.— Овязъ фетишизма съ политеизмомъ и политеизма съ фетишизмомъ—
Политеизмъ.—Переходъ отъ политеизма къ монотеизму и обратно.—Монотеизмъ.

Понятіе фетишизма, какъ предшественника политеизма, сразу отбрасываетъ насъ въ тѣ отдаленныя эпохи бытія, которыя не принято даже включать въ политическую исторію, и которыя обыкновенно исключаются изъ нея подъ именемъ „доисторическихъ“, догосударственныхъ временъ. Между тѣмъ, эти именно времена содержатъ въ себѣ всѣ самопервѣйшіе шаги развитія, безъ которыхъ вовсе немислимо никакое пониманіе и всякихъ дальнѣйшихъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, времена эти несравненно продолжительнѣе, чѣмъ всѣ, такъ называемыя, „историческія“. Если принять въ соображеніе выводы лингвистовъ объ образованіи языковъ, выводы археологовъ о каменномъ вѣкѣ и выводы геологовъ объ ископаемыхъ остаткахъ человѣка, то эти историческія времена представляются не больше, какъ однимъ мгновеніемъ, вся же остальная исторія окажется доисторическою. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, одной—качественной и другой—количественной, доисторическія или, вѣрнѣе, первобытныя эпохи представляются, напротивъ, наиболѣе историческими.

ненія на островахъ Дружбы, на Фиджи и во многихъ мѣстностяхъ Америки. Но и это не все. Въ Самаркандѣ, напримѣръ, предметомъ почитанія служить рѣка Согдъ. У башкировъ священо озеро Ахоть. Для аравитянъ была святою гора Арарать. У друидовъ были священныя лѣса и рощи. Въ Перу главнымъ предметомъ почитанія одного племени было море. Наконецъ, въ числѣ фетишей перуанскихъ значилась, между прочимъ, и вся вообще земля. Но и тутъ не конецъ. Есть еще поклоненіе такимъ предметамъ, какъ горшокъ съ красною глиной, перо краснаго поугая, колья, обмотанные шерстью, и т. п., какъ это было въ африканской Гвинейѣ еще въ прошедшемъ столѣтіи. Есть поклоненіе воткнутому въ землю мечу, какъ это было у скивоовъ. А путешественникъ де-Броссъ видѣлъ въ Австраліи дикарей, которые молились на червоннаго короля, забытаго у нихъ европейцами. Такимъ образомъ, не только всѣ естественныя произведенія земли, но и самыя предметы искуства, созданія рукъ человѣческихъ,—все это можетъ наполнять и дѣйствительно наполняетъ собою пантеонъ фетишизма. Не мудрено поѣтому, если Ремеру случилось видѣть одного стараго негра посреди цѣлыхъ 20,000 его фетишей, о которыхъ хозяинъ и самъ не зналъ, когда и за что они поступили въ пантеонъ его, но зналъ только, что собраны они предками его, и собраны именно за услуги ихъ. А между тѣмъ, ко всему этому, хотя и безсознательному, но тѣмъ не менѣе дѣйствительному, всебожію, не философскому, но за то вполне реальному, необходимо прибавить еще, быть можетъ, такое же самое число душъ тѣхъ же самыхъ фетишей. Коль скоро фетишъ есть всегда живое существо, хотя бы онъ и не былъ животнымъ, то у него, также, какъ у человѣка, должна быть и своя душа. Если же души, какъ дикарь достовѣрно знаетъ это изъ явленій сна, могутъ отдѣляться отъ тѣла, то вотъ и еще одинъ источникъ для новаго пантеона божествъ, и притомъ, на этотъ разъ, уже духовныхъ, а не тѣлесныхъ. Такимъ образомъ происходятъ цѣлыя сонмы духовъ, которые, въ свою очередь, бываютъ то добрыми, то злыми. У австралійцевъ, отаитянъ, фиджійцевъ, краснокожихъ индѣйцевъ все кишитъ духами, все полно ими: важдая роца, водопой, скала, плодъ, камень, тропинка, хижина. Таитяне полагаютъ, что деревья, плоды, камни, всѣ одарены душами, такъ что если топоръ или пила сломались, то души ихъ остаются цѣлы. Ирокезы вѣрятъ въ духовъ дубовъ, кленовъ, брусники, малины, мяты, табаку, му-

равнинных построекъ. Негры Золотого Берега называютъ ихъ вонгами и предполагаютъ обитающими на каждомъ участкѣ земли. Если все это вмѣстѣ, оба эти проявленія фетишизма, мы назовемъ фетишизмомъ *земнымъ* или теллуризмомъ, то первая стадія религиозныхъ мировоззрѣній будетъ достаточно отличена отъ всякой послѣдующей.

Говорить о хронологіи первобытныхъ эпохъ, конечно, невозможно, а потому и устанавливать на хронологическихъ данныхъ послѣдовательность этихъ эпохъ также невозможно. Тѣмъ не менѣе, однакожь, есть другія достаточныя основанія для того, чтобы заключать, что только что очерченная система фетишизма должна была быть самою древнѣйшею, что всѣ другія новѣе ея, и что въ числѣ ихъ непосредственно слѣдующею есть фетишизмъ *небесный*, или, такъ называемый, сабеизмъ, сидеризмъ. Къ такому заключенію приводитъ не только то соображеніе, что земля легче и скорѣе должна привлекать вниманіе дикаго человѣка, чѣмъ небо, подобно тому, какъ она привлекаетъ вниманіе даже многихъ животныхъ, умѣющихъ распознавать полезныя и вредныя травы ея, тогда какъ небо большинство животныхъ даже видѣть не можетъ, но также и нѣкоторые несомнѣнные факты исторіи. Такъ, напримѣръ, путешественники не встрѣчаютъ ни одного почти случая, гдѣ люди не имѣли бы еще фетишистскихъ представленій перваго порядка; но такихъ случаевъ дикаго быта, гдѣ нѣтъ еще представленій сабеистическихъ не только множество, а даже наибольшая половина. Съ другой стороны, гдѣ сабеизмъ и теллуризмъ встрѣчаются вмѣстѣ, тамъ первый всегда налегаетъ на второй, первый всегда сверху, второй всегда внизу. Такъ, въ Перу, въ Мексикѣ низшіе классы держались одного, высшіе—другаго. Сабеизмъ въ бытѣ дикарей есть явленіе вообще довольно рѣдкое, хотя и встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта. Абигоны южной Америки поклоняются, напримѣръ, созвѣздію Плеяды. Сѣвероамериканское племя Пихето приносить свой табакъ въ жертву грому и молніи. У прокезовъ предметомъ почитанія служитъ все вообще небо. Гвевры въ Азій поклоняются огню, какъ подобію солнца. Жители Борнео и Целебеса чтятъ солнце и луну. Во-вторыхъ, сабеизмъ дольше сохраняется, труднѣе экзорпорируется и всегда переживаетъ фетишизмъ земли, такъ что отъ послѣдняго и слѣдовъ иногда уже нѣтъ, а первый все еще процвѣтаетъ. Такъ, напримѣръ, на Целебесѣ и Борнео не знаютъ

уже никакихъ другихъ предметовъ поклоненія, кромѣ солнца и луны. Изъ этого опять можно заключать, что поклоненіе это есть продуктъ сравнительно позднѣйшій. Наконецъ, сабеизмъ доживаетъ цѣликомъ даже до государственнаго быта народовъ, тогда какъ фетишизмъ первой пробы доносить сюда только обломки свои. Таковъ фактъ въ Китаѣ съ его поклоненіемъ небу, въ Японіи съ ея почитаніемъ солнца, въ Персіи съ ея обожаніемъ свѣта. Классическою же странюю развитія сабеизма была Аравія. Нигдѣ онъ не развернулся съ такою полнотою, какъ здѣсь, и именно въ странѣ Саба, отъ которой получилъ и свое наименованіе. Выше всего въ этомъ культѣ стояли солнце и луна, ниже ихъ—пять планетъ, еще ниже—главныя созвѣздія, за ними болѣе яркія неподвижныя звѣзды и, наконецъ, всѣ звѣзды вообще. Молитвы къ нимъ адресовались прямо и непосредственно. Само собою разумѣется, что всѣ небесныя тѣла допускали такое же отвлеченіе духовъ ихъ, какъ и всѣ тѣла земныя; а отсюда опять возможность новаго сонма духовъ, небесныхъ, а не земныхъ. Остатокъ такого представленія донесся до государственнаго быта древней Мидіи въ видѣ Ормузда, какъ духа солнца и свѣта, и Аримана, какъ духа луны и тьмы.

Но здѣсь, при этой первой изъ всѣхъ общечеловѣческихъ метаморфозъ (отъ фетишизма къ сабеизму), на этомъ первомъ же шагѣ въ исторію всѣхъ дальнѣйшихъ эволюцій соціального прогресса, необходимо сдѣлать, во избѣжаніе недоразумѣній, оговорку о характерѣ всѣхъ вообще такихъ эволюцій. Этотъ всеобщій и безусловный характеръ ихъ всѣхъ, безъ исключенія, состоитъ въ томъ, что ни одна изъ нихъ не наступаетъ тогда, когда предшествующая совсѣмъ уже окончилась. Такой порядокъ явленій вовсе несвойственъ органическому міру, а соціальному меньше всего. Явленія этого міра вовсе не таковы, чтобы гдѣ есть одно изъ нихъ, тамъ не было бы уже никакого другаго, противоположнаго. Напротивъ того, предъидущее и послѣдующее вездѣ и всегда, въ извѣстной мѣрѣ, неизмѣнно сосуществуютъ, и если одно изъ нихъ считается характеристичнымъ для эпохи, то единственно потому, что оно переживаетъ собою другое, а вовсе не потому, чтобы оно исключало его. Всякому настоящему въ исторіи абсолютно должны сопутствовать отчасти переживающаго, отчасти сѣмена будущаго, безъ чего не было бы и самого настоящаго. А потому и во всякій моментъ, равно какъ и на всякой точкѣ первобытныхъ міросозерцаній,

мы всегда можем и даже должны встрѣтить, рядомъ съ фетишизмомъ земнымъ, признаки не только небеснаго, но и еще одного, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь. Самыя первичныя очертанія ихъ всѣхъ могутъ возникать даже вполне одновременно и, повидимому, нераздѣльно; но все дѣло только въ томъ, какое изъ нихъ раньше выживетъ между другими, и какое позже, какое прежде разовьется насчетъ всѣхъ остальныхъ и какое послѣ. Въ такомъ-то именно смыслѣ и сабеизмъ позднѣе первоначальнаго фетишизма. Начало ихъ одновременно, но разновременно развитіе ихъ.

Разнообразіемъ неба дополнивъ разнообразіе земли, умъ первобытнаго человѣка не остановился и на этомъ. Отъ внѣшней природы, обращая взоръ на внутреннюю, онъ весьма рано создаетъ для себя и свое міросозерцаніе субъективное въ добавокъ къ объективному. А вмѣстѣ съ тѣмъ, и его фетишизмъ восходитъ на самую высшую степень своего проявленія: въ фетишизмѣ *родовомъ*, племенномъ, или демонизмѣ. Возникновеніе этого послѣдняго міросозерцанія Лэбокъ и Тайлоръ согласно объясняютъ феноменомъ сновидѣній. Сновидѣнія не могутъ представляться дикарю простымъ произвольнымъ отпращиваніемъ мозга. Для него, какъ и для животнаго, всякое сновидѣніе должно представляться дѣйствительностью, реальнымъ событіемъ. Но такъ какъ и для дикаря ясно, что тѣло въ этой дѣйствительности не участвуетъ, то отсюда одинъ шагъ до заключенія, что есть, значить, въ человѣкѣ что-то другое, кромѣ его тѣла, способное отдѣляться отъ тѣла. Еще одно усиліе мозга, еще одна аналогія,—и это другое окажется тѣнью человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, тѣнь имѣетъ ту же самую форму, какъ и человѣкъ, а между тѣмъ она лежитъ внѣ его, а не въ немъ самомъ; тѣнь гораздо легче тѣла и, слѣдовательно, можетъ переноситься свободнѣе съ мѣста на мѣсто; наконецъ тѣни не видно, когда человѣкъ лежитъ и спитъ. Итакъ, тѣнь можетъ отдѣляться отъ своего тѣла, и отдѣляется именно во снѣ. Этимъ-то путемъ дикарь находится по ночамъ въ сношеніи со всѣми другими, какъ живыми, такъ и мертвыми: его тѣнь посѣщаетъ всѣхъ другихъ дикарей, а тѣни ихъ всѣхъ посѣщаютъ, въ свою очередь, его самого. Само собою разумѣется, что изъ всѣхъ тѣней симпатичнѣе для человѣка и дружественнѣе должны быть тѣни его родственниковъ; а между этими особенную таинственность и повровительственность должны приобрѣтать тѣни предковъ, тѣни отцовъ и дѣдовъ, которыя остаются

гдѣ-то на землѣ по смерти тѣлъ. Такимъ образомъ и оказывается выработаннымъ поклоненіе тѣнямъ предковъ, прародителей, родоначальниковъ, или фетишизмъ родовой. Переименованіе же тѣней въ души, въ призраки, въ дыханіе есть вопросъ языка: въ однихъ языкахъ это тѣни, а въ другихъ—души. Въ томъ и другомъ случаѣ появляется новый разрядъ духовъ, соотвѣтствующій новому разряду тѣлъ. Все это вполне подтверждается наблюденными фактами. Гренландцы и до сихъ поръ вѣрятъ въ полную реальность своихъ сновидѣній. Зулусы въ Африкѣ вѣрятъ, что мертвое тѣло не бросаетъ уже отъ себя тѣни, такъ какъ она навсегда отъ него отошла. На Мадагаскарѣ сновидѣнія считаются предостереженіемъ со стороны добрыхъ духовъ или тѣней. Болѣзни у дикихъ повсюду истолковываются какъ одержаніе злымъ духомъ.* Каждую побѣду свою зулусы относятъ къ помощи предковъ, т. е. ихъ тѣней или душъ. Капитанъ Букъ на островахъ Тихаго океана, Ландеръ въ западной Африкѣ, Колумбъ и его спутники въ Америкѣ, Миклуха-Маклай на своемъ берегу Новой Гвинеи, всѣ они принимаемы были туземцами или за просвѣтленныя тѣни ихъ предковъ, или вообще за существа сверхъестественныя. Поклоненіе предкамъ рано или поздно ведетъ и къ изображеніямъ ихъ по смерти. Такъ у сибирскихъ остяковъ жена, потерявшая мужа, дѣлаетъ себѣ куклу его, кладетъ ее спать съ собою, кормитъ, наряжаетъ. При смерти же самого шамана, дѣлается всеобщая кукла его и поклоненіе ей воздастъ весь родъ. То же самое наблюдено и между фетишистами Маклаева Берега. Но тутъ мы нечувствительно для самихъ себя оказываемся уже на порогѣ идолопоклонства, и потому, прежде чѣмъ перейти къ нему, остановимся на минуту, чтобы дополнить представленіе о фазисѣ предъидущемъ. Что родовой фетишизмъ могъ зародиться въ дикомъ умѣ одновременно съ небеснымъ и съ земнымъ видно уже изъ того, что дикое представленіе о сновидѣніяхъ, изъ котораго весь онъ выходитъ, не можетъ уступать въ своей древности никакому иному возрѣнію. Но что развитіе его должно было быть позднѣйшимъ, чѣмъ развитіе двухъ предъидущихъ фетишизмовъ, также достаточно вѣроятно, потому что эти два независимы отъ появленія брака и семьи на землѣ и весьма легко могутъ предшествовать имъ; тогда какъ третій фетишизмъ въ полномъ его развитіи не мыслимъ нѣтолько прежде брака и семьи, но даже прежде родоваго быта. Если же такъ, то циклъ фети-

пизма никакъ не могъ завершиться инымъ его фазисомъ, какъ именно родовымъ.

Дополняя всё эти содержанія фетишизма формами его, надо замѣтить, что ни одно изъ нихъ не производитъ еще ни публичнаго богослуженія или культа, ни публичнаго класса богослужебнаго или жречества, ни публичныхъ мѣстъ богослуженія или храмовъ. Храмомъ здѣсь есть еще всякая частная хижина и, много-много, какой либо холмъ, роца, дубъ. Жрецомъ здѣсь есть еще каждый домохозяинъ и, много-много, родоначальникъ; роль же цѣлаго и особаго жреческаго класса занимаютъ здѣсь только знахари, колдуны. Культъ здѣсь есть еще простой договоръ съ фетишемъ и, много-много, просьба къ нему (будущая молитва) и подарокъ (будущая жертва): при чемъ самая лучшая жертва всегда человѣческая. Таковъ, напримѣръ, культъ тацитовскихъ германцевъ или гальскихъ друидовъ. Нужно-ли прибавлять, что нравственныхъ понятій никакой фетишизмъ въ себя еще не включаетъ, и что никакихъ представлений о будущей жизни въ немъ также еще нѣтъ. Наконецъ, всеобщимъ содержаніемъ всѣхъ этихъ формъ и всѣхъ видовъ фетишизма есть, очевидно, *природа*, обожаніе всего видимаго міра.

Если бы всё эти разбросанныя представленія мы пожелали видѣть соединенными гдѣ нибудь во всей чистотѣ ихъ, въ какой нибудь одинъ цѣльный и вонкретный образъ, то мы не нашли бы ничего лучше Китая. Въ средѣ современнаго ему древне-восточнаго, политическаго міра Китай составляетъ то, что начинаютъ нынче называть „переживаніемъ“ въ исторіи. Подъ этимъ именемъ разумѣется какое либо древнее начало, пережившее себя и, вслѣдствіе того, затесавшееся въ среду совершенно иного, новаго начала. При чемъ, если оно не подвергается дѣйствию этой новой среды, если оно не испытываетъ на себѣ вліянія ея, то можно напередъ предположить, что оно какъ нибудь искусственно или естественно удалено отъ соприкосновенія съ нею, искусственно или естественно изолировано. Такимъ именно и былъ Китай въ средѣ современной ему древности и даже долго въ средѣ новыхъ временъ. Мало того, онъ и до сихъ поръ составляетъ единственный въ исторіи образецъ государственнаго общества, не выходявшаго еще изъ періода фетишизма. Всякій иной государственный бытъ непременно перешагнувъ уже эту религіозную фазу; Китай же остается при ней и по сихъ поръ. Если страна эта представляетъ собою живое до-

казательство всей древности фетишизма, всего первенства его въ ряду всѣхъ остальныхъ міросозерцаній, то фетишизмъ Китая въ свою очередь представляетъ живое ручательство за первобытный характеръ самой страны, если не въ смыслѣ хронологическомъ, то уже непременно въ социологическомъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, другаго государства, съ печатью такой глубокой древности, исторія вовсе не знаетъ, такъ что это есть, собственно говоря, еще не государство, а какой-то переходъ изъ до-государственного быта въ государственный, какая-то амфибія между двумя мірами, такъ называемыми, до-историческимъ и историческимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ не вполнѣ исчезли еще фетишистскія представленія даже самаго первичнаго порядка, потому что земля, Ту, столь же еще боготворится тамъ, какъ и небо, Тіэнь. Мало того: сохраняется не только это самое общее изъ представленийъ земнаго фетишизма, но даже такое частное, какъ, напримѣръ, благоговѣніе передъ абрикосовыми деревьями. Не менѣе явственно произносится тамъ и фетишизмъ небесный. Богдыханъ китайскій есть, какъ извѣстно, сынъ неба; имперія его есть небесная имперія; солнце есть братъ богдыхана; луна есть сестра его. Мало того: тутъ же находятъ себѣ мѣсто и фетишизмъ третьяго типа—племенной. Рядомъ съ Ту и съ Тіэнь, съ землею и небомъ, стоитъ тамъ, какъ извѣстно, съ одной стороны, особа богдыхана, который вмѣстѣ съ землею и небомъ составляетъ китайскую троицу Санъ, а съ другой—боготвореніе родоначальника Китая, предковъ его, подъ именемъ одного изъ нихъ, Конфуція. На этомъ-то послѣднемъ сосредоточивается и самая энергическая религиозная практика. Ему-то дважды въ годъ приносятъ жертвы самъ богдыханъ, сынъ неба и братъ солнца и луны. Равно также и ученіе о системѣ духовъ, о демонизмѣ, разрослось здѣсь до послѣдней своей возможности. Самъ Конфуцій говоритъ о нихъ такъ: много, много ихъ на свѣтѣ; какъ вода въ океанѣ, они повсюду надъ нами, подъ нами и вокругъ насъ. Вѣрованія эти пустили такіе глубокие корни во всю практическую жизнь, что на каждомъ шагѣ въ ней встрѣчаешься съ ними. Гробы, напримѣръ, съ трупами отцовъ своихъ, китайцы хранятъ у себя по цѣлымъ годамъ, ежедневно поднося имъ и пищу, и питье. Въ китайскомъ адресъ-календарѣ, рядомъ съ провинціями и съ мандаринами, прописываются также и духи или геніи этихъ провинцій, при чемъ, въ случаѣ несчастія, они точно также бывають